

Материнский образ в бессознательном клиента.

Приведенный ниже текст является стенограммой доклада на конференции «В поисках утраченных метафор» Уральской Ассоциации Аналитической психологии и Психоанализа. Изложенный в этом докладе материал копился в течение нескольких лет, и как мне представляется может иметь прикладное значение для практикующих специалистов. Текст стенограммы подвергся очень незначительной правке. Курсивом в тексте выделены вопросы слушателей.

Все мы знаем, что взаимоотношения ребенка со своим телом, со своей психикой, формирование его эго, его развитие зависит от ранних взаимоотношений с матерью. И, по вполне понятным причинам, мы можем говорить о том, что процесс обучения и процесс приобретения каких-то навыков у ребенка зависит от того интроецированного образа матери, который имел место быть в ранних отношениях.

Я предлагаю вам условно пять типов взаимоотношений интроецированного материнского образа с психикой ребенка. Пять образов в психике, пять типов функционирования и нарушения, с которыми мы будем сталкиваться в практической работе, если какой-то этих пяти сформированных образов матери появляется на сцене.

Первый тип взаимоотношений матери и ребенка и первый образ, который формируется в психике, соответственно, взаимоотношения с этим образом можно описать следующим образом: это отношение матери к своему ребенку исключительно как к функции, призванной удовлетворять какие-то ее, матери, потребности. Это не эмпатичная мать. В результате у ребенка формируется отношение к собственному телу как к объекту не принадлежащему структуре психики, т.е. объекту чуждому. При этом мы с вами знаем, что наше тело – это та территория, на которой встречаются психика с внешним миром, т.е. такое переходное пространство позволяющее определять нам свое бытие и отделять себя от остального мира. В том же случае, когда тело воспринимается как объект внешнего мира, у ребенка практически ничего не остается, в его распоряжении остаются только фантазии и очень маленькое количество чувств, ощущений. Невозможно контактировать с собственными желаниями, аффектами, переживаниями и формировать из них чувственный опыт. Как правило, такие клиенты, приходят нам в терапию, отягощенными очень тяжелой соматикой. В данном случае, классическая теория Фрейда предполагает обращение к конверсионным симптомам, т.е. содержащим внутриспсихический конфликт

между побуждением и запретом со стороны супер-эго по отношению к выполнению этого побуждения. В данном же случае, когда мы имеем дело с тяжелой, не функциональной, а именно органической соматической патологией, мы имеем дело с симптомами -эквивалентами, т.е. симптомами содержащими невербализованную, необъективируемую, непроживаемую эмоцию, т.е человек не отказывается от какой-то эмоции, а, как говорила Джойс Мак-Дугал, эмоции просто не существует. Чувство нечем переживать, потому что тело это внешнее пространство с точки зрения восприятия пациента, у которого мама относилась к нему исключительно с функциональной точки зрения.

Пример функционального использования ребенка своей матерью: у меня была клиентка в терапии, помимо запроса, связанного с отношениями с мужем и продолжающейся вялотекущей тоской, она, в жизни своей, редко испытывала какие-то чувства и аффекты. Существование у нее было несколько сероватым. У нее была дочь, которую она ненавидела за полноту. Сама клиентка была достаточно хрупкой. Она ненавидела мужа за то, что он недостаточно уделяет ей внимания. Было жалобы на заболевания ЖКТ, постоянные травмы и переломы.

Одно из самых ярких воспоминаний её детства – ее мама использовала в качестве щита от нападок отца. Отец у нее был не совсем психически здоровым человеком. Это, как ни странно, очень распространенная ситуация, когда матери используют ребенка в качестве объекта защиты от агрессии отца. Мало того, ребенок этот использовался мамой, в первую очередь, чтобы привязать к себе отца, чтобы он никуда не ушел. Ребенок был рожден как возможность обуздания психопатологии отца, которого мать очень сильно любила.

Следующий тип взаимоотношений – это образ матери так велик, что целиком и полностью интроецируется ребенком. И все тело ребенка оказывается охваченным образом матери.

Возможностей для формирования таких взаимоотношений с материнским объектом очень много. Опять можно говорить о том, что мать отчасти использует своего ребенка как функцию, при этом отчасти выдерживая эмпатический контакт с ребенком и вербализуя его побуждения, желания и эмоциональные состояния. В тоже время, когда происходит такой захват, возникает ситуация, когда у ребенка нет возможности сталкиваться со своими побуждениями, влечениями и ребенок реализует всю свою психическую жизнь только с помощью материнских способов

функционирования психики. Т.е. и эмоциональная жизнь ребенка протекает как эмоциональная жизнь матери и идентичность формируется по материнскому типу. Понятно, что мать, которая находится в контакте с самой собой и у которой относительно сформирована идентичность вряд ли будет иметь такие взаимоотношения с собственным ребенком.

В этом случае, соматизация будет менее фатальна и выражена, хотя и будет присутствовать. Для того, чтобы иметь возможность каким-либо образом сталкиваться с собственным телом, влечениями и побуждениями на территории своего тела необходимо каким-то образом выдавить мать, занимающую слишком много пространства и слишком много места в структуре психического и соматического функционирования ребенка. При этом интроецированный образ матери оказывается слишком привязанным к телу, т. е. имеет соматическую укорененность. Для того, чтобы каким-либо образом с этим внутренним объектом взаимодействовать и пододвинуть его в своей власти и могуществе, необходимо выбить из под него плацдарм соматической укоренённости. Т.о. психика ребенка начинает работать, против собственного тела, нападая на те системы органов, которые оказываются наиболее вовлеченными в функционирование внутреннего материнского объекта.

Поэтому и происходит достаточно сильная соматизация, не носящая функциональный характер, а тяжелую органическую симптоматику. Для того, чтобы ослабить силу интроекта матери.

Другой путь – это психотизация. Т.е. у нас, когда мы имеем дело с мало сформированной идентичностью у человека с достаточно мощно представленным интроектом родителя, матери например или объединенного родительского объекта: мать+отец, мы, как правило, будем сталкивать либо с тяжелой соматической патологией, носящей органический характер, либо с достаточно тяжелыми психотическими расстройствами.

Почему происходит такое очень мощное интроецирование материнского образа? Мать действительно поддерживает эмпатический контакт и снимает напряжение с ребенка и, в то же время, использует его для каких-то своих целей, исключительно функционально, происходит индификация с идеализированным образом матери. Т.е. на разрыв отношений (в качестве разрыва отношений здесь понимается утрата эмпатической связи и использование ребенка в качестве функции) ребенок реагирует интроекцией этого идеализированного образа для поддержания собственной стабильности.

-качество этого интроекта, особенности матери на это влияют?

Наверное, да. Я бы предположил, что мать не выдерживает агрессию ребенка. Любые агрессивные проявления встречаются большим повышением тревоги у матери.

Ситуация тотальной интроекции возникает до появления амбивалентности по отношению к материнскому объекту, т.е. это очень ранние отношения. А раз до появления амбивалентности, то мы будем сталкиваться с комплексом отвержения.

Пример: взаимоотношения такой девушки со своим ребенком. Когда-то, очень давно, ко мне обратилась девушка, молодая, чуть больше 20 лет, не закончившая вуз. Обратилась в связи с тем, что у нее было 3 несчастных случая с ребенком, по ее вине. После третьего случая, она решила обратиться за помощью на терапию. История ее взаимоотношений в семье, в которой она жила с мужем такова: есть муж, музыкант, жили они с мамой мужа, которую клиентка почитала, так как мама была «ангел во плоти». Так помогала, так помогала бедной девочке. Мужа она тоже любила, замечательного человека, который приходил домой и писал музыку, ходил на репетиции, концерты. И, так получилось, что в течении 9 месяцев эта девушка ни разу не оставалась наедине сама с собой и не разу не выходила из дома. Т.е. она постоянно с ребенком. Ее взаимоотношения с ее мамой – областной город небольшой, папа бросил еще до рождения дочери, мама была просто ангел, заботилась о дочери как могла, работала на трех работах, обеспечивала дочь как могла, она дала ей образование. Они никогда не ссорились, там были совершенно замечательные отношения: претензий к маме никогда и никаких не возникало, даже когда мама настаивала на том, что девочке нужно одеваться, думать, учиться, вести себя совершенно определенным образом девочка соглашалась. Собственно, что происходило с ребенком, первый эпизод – ребенку чуть больше 2х месяцев, клиентка сидела за столом, кормила ребенка грудью. На столе стояла чашка с очень горячим чаем, моя клиентка задела чашку локтем, но успела ребенка отвернуть и подставить собственный бок. Обожглась. Когда ребенку было месяцев 5 – 6, она купала ребенка, т.е. сажала ребенка в ванну и начинала набирать воду. И вот, она только посадила ребенка в ванну, как у нее зазвонил телефон, думала она, что сейчас ответит и скажет, что не может разговаривать, а потом вернется к ребенку, благо воды не так много. А дальше, она сообразила, что ребенок у нее до сих пор в ванной, а вода шумит, через тридцать минут разговора по телефону. К

счастью, зайдя в ванную, она обнаружила веселящегося и плавающего ребенка. Но, тем не менее, вероятность несчастного случая была очень велика. Последний эпизод: она набрала ванну, хотела посадить туда ребенка, и случайно задела рукавом халата воду, и поняла, что забыла включить холодную воду. Она рассказывала, что, как будто бы, сознание сужается – ничего не слышит, не понимает. В ходе работы выяснилось, что агрессию по отношению к чему-либо, кому-либо не может проявлять. Рассказывая о муже, который проводит с ней час в неделю от силы, она не понимала, насколько она злится и ненавидит его. Не понимала насколько ненавидит свекровь, которая постоянно тыкает ее в то, что она делает не так. Не понимала, что чувствует гнев по отношению к собственной матери, которая загоняла ее в рамки – как надо жить. Т.е. она жила интересами ребенка, как ей казалось, при этом всех очень любила. Прорывом была ситуация, когда после 8 месяцев терапии, она пришла на терапию и рассказала, что испытала дикий приступ ненависти к дочери, когда увидела, что та улыбается как ее свекровь. И только после этого, она смогла контактировать с собственной агрессией. После этого появился ассоциативный ряд, что она хотела избавиться от ребенка, чтобы выйти из тех отношений, в которых она оказалась заложницей.

Третий вариант образа матери. Ситуация, незначительно отличающаяся от описанной ранее ситуации. Возникает ощущение иногда, что тело нашего клиента не совсем ему принадлежит, но тот материнский интроецированный образ оказывается частичным: часть во вне, часть внутри. И тело остается разделенным: часть побуждения как внешние, часть как внутренние. И граница между ними – кожа. Т.е эта ситуация относится, в первую очередь, к клиентам, которые имеют достаточно мощную кожную патологию. Т.е это невозможность отграничить себя от внешнего мира, не замкнутость границ, тем не мене границы частично есть.

Мне кажется, что детский диатез, возникающий, как правило, в раннем возрасте – это попытка замыкания границы, которая по каким-то причинам не была сформирована ранее. Так как, работая с этими детьми, возникает ощущения, что непонятно на что реагирует ребенок: вчера он реагировал на апельсины, сегодня он реагирует на клубнику.

Четвертый пункт – это ситуация, описанная Андри Грина, комплекс мертвой матери.

Ребенок имел эмоциональный контакт с родительским объектом, ребенок был ухожен в плане его психического здоровья, но потом случается

в жизни его матери что-то, от чего мать погружается в горе и отстраняется от ребенка. Ребенок, при живой матери, становится сиротой. При чем полноценно пережить горе у ребенка нет возможности, потому что объект вот он, ходит рядом. В результате интроецируется материнский образ, но при этом, так как мать перестает инвестировать свое либидо в ребенка, тот же самый механизм начинает работать в рамках психики самого ребенка. Происходит деинвестирование любых тесных отношений с внешними объектами.

Как правило, такие клиенты производят впечатления очень функциональных, они адаптированы, они не производят впечатления депрессивных и сильно нарушенных. Но в работе с такими клиентами возникает ощущаться тоска, фатальная и глобальная потеря. Возникают нарциссические ощущения, чувства скуки, тоски. Они очень, как правило, либо интеллектуально развиты, единственная возможность вложения своей психики, либо профессионально. Иногда эти два параметра – интеллектуальная деятельность и профессиональная деятельность – оказываются сочетанными.

Пример: семь лет назад, в терапию пришел мужчина 35 лет, успешный, имеет собственный бизнес. Правда с бизнесом у него интересные взаимоотношения – это его третий бизнес. Его дело время от времени разрушается по совершенно непонятным обстоятельствам: его либо выжимают партнеры, либо подставляют они же. Он был младшим ребенком в семье, у него был старший брат, на 4 года старший. С родителями отношения до определенного момента были теплыми, но, когда мальчику было 4 года, его старший брат, носясь с друзьями по гаражам, упал с гаража и погиб. В результате, после этого динамика отношений в семье резко изменилась. Родители несколько раз открыто высказывали еще маленькому мальчику, что его старший брат много лучше, чем он. И смерть его была бы легче перенесена, чем смерть старшего брата.

Клиент как-то раз принес альбом и горит: «Я не могу понять, что случилось. Вот детские фотографии, и вот фотографии меня более взрослого. Там два разных человека: жизнерадостный ребенок и увядший роботоподобный дяденька».

Сейчас он женат и есть у него сын, после чего он обратился на терапию. Возник неприятный конфликт с сыном и клиент не понимал, что происходит. Сыну на тот момент было 14 лет, он был проблемный, плохо учился, хотя был талантливым, постоянно противопоставлял себя социуму и в результате

отхватывал от учителей и руководства школы. И вот, в один прекрасный момент, у клиента с сыном возник конфликт, и, когда сын попытался сказать: «Папа, ты в мои дела не лезь. Буду ходить в джинсах и пофиг на руководство школы. Они обязаны дать образование, а школьная форма, по законодательству, не является обязательным компонентом». На что отец ему ответил: «Раз ты такой умный, иди и живи отдельно». Мальчик встал, собрался и ушел. И после этого он не появлялся 4 дня, мама рвала и метала, папа находился в ступорозном состоянии, так как он не предполагал, что такое возможно. После этого они не разговаривали с сыном в течении 4 месяцев, причем по инициативе клиента в первую очередь. Он говорил, что чувствует себя с одной стороны виноватым, а с другой стороны понимает, что он прав, ведь нельзя себя так вести, надо быть социально адаптированным. «И, вообще, ребенок должен, как и я окончить школу с золотой медалью, институт с красным дипломом». Т. е. ребенок воспринимается как такое нарцисстическое расширение, выполняющее его желание. Отношения с женой – он был очень влюблен в свою жену, они расписались, поженились, однако в течении года, он обнаружил, что его жена это жуткая истеричка и их отношения стали портиться. А дальше его жизнь это цепь влюбленностей разных степенью тяжести. Попытки установления отношений на стороне и при этом невозможности их создать. Он находился либо в состоянии любви из кустов, либо он испытывал чувства, но это не было той любовью, которую он хотел получить. Отношения с родителями после 16 лет окончательно сошли на нет, он к ним заезжал формально пообедать и рассказать, что у него все в порядке. И он отмечал, что отношения между матерью и отцом, после смерти брата, испортились. Т. е, если раньше отец мать чуть ли не на руках носил, то теперь считает нормальным запустить в нее утюг. На данный момент, не смотря на то, что они живут вместе имеют разную территорию в доме, холодильники, кошельки, сад. Смерть старшего брата внесла такой сильный диссонанс в семейную динамику, что семья оказалась не жизнеспособной. Наиболее тяжелым в работе с этим клиентом всегда оказывалось работа с интерпретациями, потому что создавалось впечатление, что они срабатывают, однако, через несколько месяцев происходит явный откат на прежние позиции.

Одно из очень сильных страданий у этого мужчины по жизни – это поллиноз. Постоянно мучается заложенным носом, чиханием, кашлем – и врачи ничего с этим сделать не могут. Препараты снимают этим симптомы на полтора – два часа, но повторно применять препарат с такой частотой он не

может. В результате, он практически постоянно живет в ощущении «аллергического небытия» (это выражение клиента).

Очень любопытно, как у него строились продолжительный период времени отношения с его женой: он говорил, о том, что он находится на работе, вспоминает о жене, испытывает к ней громадный прилив нежности, звонит ей, приглашает куда – нибудь выйти вечером, выходит с работы и запинаясь о ларек с пивом. Жена ждет, он приходит домой в пять утра на бровях. Любые попытки жены конфликтовать с ним, приводили к тому, что он говорил, что его запирает, что он не может сказать ни слова, чувствует только гнев, обиду и ярость. И что он ее зашибет, если откроет рот. Сейчас у них взаимоотношения изменились, он теперь может позволить себе более-менее конфликтовать с женой. Они часто не находят общего понимания языка, он не понимает как так можно нуждаться в разговорах каждый вечер, когда гораздо интересней, придя домой, опрокинув пару рюмочек алкоголя, посмотреть телевизор или почитать литературу по его бизнесу и залечь спать.

У него были серьезные проблемы с сексуальностью. Он жаловался на утрату потенции в непредсказуемых ситуациях. В итоге, у него в жизни был момент, когда он ограничивал себя в сексуальной жизни, не зная чего ожидать. На данный момент, его сексуальная жизнь нормализовалась, хотя такие периоды отсутствия потенции у него случаются.

Но по прежнему почувствовать какой-либо любви со стороны жены он не может и по прежнему он крайне обижен на нее.

На мой взгляд, его аллергические реакции опять же попытки нападения на образ матери. Понятно, что любая ситуация аллергии – это неадекватное срабатывание иммунной системы, это нападение на собственные клетки. Такое ощущение, что он пытается то оживить, то умертвить образ матери, который не дает ему ощутить любовь. И его эмоциональный фон только в последнее время стал меняться в сторону получения удовольствия.

Да, и еще один любопытный момент, у него всегда была аллергия на кошек, но так получилось, что его жена подобрала кота и он прижился. Мало того, кот спит на нем и аллергии нет. Приходит в гости аллергия есть, приходит домой – аллергии нет.

В кота, может быть, помещен его внутренний ребенок, так как кот выглядел, так как будто он был домашним, но кто-то его выбросил.

С половой идентичностью – он воспринимает себя как «супер-мега-мачо», когда у него нормально с потенцией, когда ее нет – он «чмошник» и даже не совсем мужчина. У него есть ряд стереотипов каким должен быть мужчина, каковы отношения мужчины и общества, что он должен делать, как он должен эмоционировать или не эмоционировать.

Можно вывести закономерность, он теряет брата, происходит конфликт в семье, родители сильно ссорятся, они выражают в этом конфликте горе. А потом в конфликте у него уходит как брат сын. Я считаю, что у него есть чувство вины...

Да, она безусловно есть. С этим он и пришел. Но проработка этого момента результата не принесла. Он соглашается, он интеллектуально это переваривает, но на телесном уровне с этим не сталкивается.

Описываемая симптоматика, возникает при случаях потери матери. Но если ребенок не живет с ней, приемный ребенок, он знает, что эта мать есть, но оплакать ее и пережить эмоционально утрату он не может.

Я думаю, что это вполне возможно, но все таки, мне кажется, что в этом случае существует различие: при эмоциональной смерти матери и нахождении ее рядом с ребенком, ситуация отягощается. Так как объект вот он, рядом, но по сути это живой мертвец. Если проводить аналогии – зомби не испытывают эмоций, у зомби остаются примитивные функции и только, взаимоотношения с ними построить невозможно.

Пятый пункт – реальная смерть матери до окончания пубертата. Хотя, как мне кажется, возрастные рамки могут быть оттянуты в ту или иную сторону. Это зависит от уровня психической зрелости и типа взаимоотношений установленных с матерью. В этом случае мы можем наблюдать следующую последовательность событий: интроецируется идеализированный образ матери, если горе не было пережито каким-либо нормальным путем. А во-вторых, интроецируется зараженность смертью. Если я буду каким-либо взаимодействовать с образом матери – я умру, ибо я заражен этой смертью, ибо я поместил вместе с образом идеальной матери смерть в себя.

И именно это двойственно – с одной стороны защищающая и дающая мне покой мать, которая всегда находится во мне, с другой стороны вместе с ней я инфицирован смертью и могу умереть в любой момент. Возникает мощный конфликт между потребностью быть защищенным и ощущением смертельной опасности этой защиты.

Пример: одна из моих клиенток, обратившаяся ко мне с соматическим запросом, после неудачного лечения у гинекологов, с желанием забеременеть и выносить ребенка. Когда ей было 15 лет умерла мама. Папу она помнит только по одному эпизоду – когда ей было 7 лет, папа пришел, завернул телевизор, который она смотрела, и унес с собой. Никто из женщин в ее роду не доживал до 45 лет, все умирали от разных патологий. Мама у нее умерла буквально на пороге поликлиники. Девочка осталась под опекой старшей сестры и лет в 16 выскочила за ночь. Чувства в терапии у нее были не дифференцированы, любые чувства она переживала в виде трясучки в области лопаток – трясучка слабее, неприятней, приятней – на этом ее характеристика заканчивалась. Очень талантливая девушка – дизайнер, художник и т.д. При этом совершенно невнятные отношения с самой собой и со своим телом. Долгое время она рассказывала как хороша была ее мать: она научила ее всему, что она умеет, мать ее всегда понимала. Но при этом никакого негатива к матери не присутствовало. В этот период контрпереносные реакции были крайне тяжелы: состояние общей спутанности, отрешенности, иногда я находился на границе между явью и фантазиями, которые буквально вторгались в реальность. В очередной раз, находясь в таком невменяемом состоянии, я предложил ей пофантазировать на тему бодиарта. Тело женщины она бы расписала так: кое-где кожа отогнута, где-то оторвана, плоть представлена в виде гнилых органов, скрепленных проволокой. А в тот момент мы работали с тем, что у нее шел беспрестанный набор веса, 100-200 грамм в неделю и мощнейшие отеки. И я ее спрашиваю: помните такой миф про авгиевы конюшни? Девушка начинает плакать, говорит о том, что она понимает о чем речь, что она пытается вымыть из себя все это, а далее у нее был ассоциативный ряд о том, как врачи рассказывали ей как выглядело сердце ее матери после инфаркта. Они говорили о том, что, не смотря на то, что инфаркт произошел в больнице ничего нельзя было сделать, так как ее сердце представляло собой тряпочку, которую не зашить и не сшить.

В связи с последним случаем, у меня возникает представление о индефикации с матерью, о интроекцию ее внутрь, ведь она такая приятная, индефецироваться с нею одно удовольствие, и утрата ее тяжело переживается, так, что лучше сохранять мать внутри. Зачем ей нужно сохранять разрушающую часть, которое образовалось мгновенно и кратко, до 15 лет девушка формировалась, свойства стойкие, а тут возникает какой-то такой кризис – мать умирает. Но для чего – то ей нужно иметь внутри себя эту тряпочку?

У меня создается ощущение, что образ идеальной матери и мертвой матери не разделены. Мало того, они все заражены – там генеалогия такова, что все тетеньки умирают.

По каким признакам вы узнали, что есть некая такая закономерность, что если были очень тяжелые отношения с объектом, после его смерти идет мощная идеализация объекта и все негативное вытесняется. Т.е. вот это сердце как тряпочка, как вы поняли, что это сердце как тряпочка не есть истинная форма отношений?

Я потерялся. Сформулируйте по-другому, пожалуйста.

Когда отношения между супругами, например, между родителями и ребенком, и когда один неожиданно умирает, то обычно объект сильно идеализируется. Горе переживают намного сильнее и дольше в тех случаях, когда отношения не так хороши были как хотелось бы. Как вы дифференцировали, что это не эта ситуация? И вот эта метафора про сердце как тряпочку, что это не было так на самом деле. На сегодняшний день она идеализирует объект, но на самом деле у матери сердце было как тряпочка, которая вся порвана. Что ситуация не такова?

Конечно, ситуация такова. Мы здесь все понимаем, что ситуация идеализации объекта возникает не потому, что объект крайне хорош для ребенка. Вы правильно говорите, о том, что их отношения были не идеальными. Это образ неотделенной хорошей от плохой матери. Не произошло просто расщепление и адекватного восприятия образа матери не было.

В последствии, у нее изменился образ матери, она перестала быть настолько идеальной. Со слов клиентки: отношения их были не матери и ребенка, а отношения единомышленников. С одной стороны – это хорошо, а с другой она не всегда имела эмоциональное материнское тепло. Она имела равного партнера, но не всегда ее мать несла за нее ответственность. Мать не всегда выполняла эту функцию холдинга и оберегания ее. Поэтому клиентке так и нужен был этот идеальный образ, так как она осталась совсем без поддержки, потому что с сестрой там были абсолютно ужасающие отношения, как и с отцом. Опора стала только на внутренний идеальный объект, а, если он не идеален, так как она может на него опереться?

Можно ли сказать, что для той пациентки идеальный образ матери – это образ разложившегося тела?

Нет, я так не думаю. Я думаю, что там образ матери, как она ее описывала, мама – это жизнелюбивая и радостная женщина, которая, не смотря на то, что занималась в области высоких технологий для того времени, постоянно что-то другое делала. Она занималась плаванием, прыжками в воду, переводами с английского.

Можно ли сказать, что этот образ расчлененного гниющего тела – это последнее, что осталось у пациентки от ее матери? Я спрашиваю, потому что до конца для себя не уяснил, как связана эта картина с идеальным образом матери.

Я думаю, что да. Не смотря на то, что мать идеальна, внутренне она воспринимается как мертвая и разложившаяся.

Может она таким образом прощается?

Вы понимаете, так и ей бы пришлось бы умереть вместе с мамой. Интересная деталь: у моей клиентки обнаружили, помимо нарушенного гормонального фона, склонность к образованию тромбов.

Мне кажется, что ваша техническая находка с бодиартом, смогла показать, что там внутри и, когда мы работаем с депрессивными пациентами, наша задача показать, что агрессия направляется не на себя, а на тот интроект. Я думаю, что это находка так раз это и показала. Но вы говорите, что это про ваше тело, интервенция такая в адрес пациентки, почему нельзя было сказать, что это все же образ матери, что это она делает и в своей профессиональной работе она старается закрыть и пригладить мертвый материал.

Мне кажется, что у именно у этой моей клиентки, как и у многих других людей, не формируется представление о собственном теле отделимым от матери. Т.е. материнский интроект соматически укоренен. Поэтому образ тела и структура тела нарушены. Но все равно речь идет о ее схеме тела, то как она структурирована внутри себя самой. Существовали серьезные исследования о представлениях о своем теле у шизофреников и эти представления были очень сильно нарушены. Существуют всякие рисуночные тесты на тему тела: нарисуйте человека, слепите человека. У кого-то из мэтров описан случай, когда человек слепил огромный нос на ножках. И дальше они работали с представлениями о теле, отталкиваясь от этого большого носа.

Можно ли все таки сказать, что представление о теле не физическом, а о том, как выглядит эго в этом теле, тонкое тело?

Мне кажется, что когда речь заходит о укорененности эго в нашем теле, мы так или иначе говорим о структурировании этого тела. Когда мы говорим про какие-то чувства, мы все опираемся на какие-то конкретные зоны нашего тела, в которых у нас возникают те или иные ощущения. Я ведь не зря говорил, что ощущения моей клиентки были представлены только тресуньчой, эпицентром которой была зона между лопаток. Ее начинало колотить физически. Безусловно, эго связано с телом.

Другое дело, что менее посредственно.

Вопрос спорный.

А как мужское тело?

А мужское тело – где-то без кожи, где-то с кожей, скелет терминатора. Вместо органов микросхемы и так далее.

Спасибо за внимание.